

Бай Сяо спокойно посмотрел на него и покачал головой:

— Как же так? Если бы это был я, не факт, что справился бы лучше... Если бы ты был действительно слаб, разве был бы у нас Маленький Саженец?

Чэн Юэ улыбнулся, потрогал кольцо на пальце, медленно выдохнул и закрыл глаза.

— Мне просто больно за тебя, — сказал Бай Сяо. — Когда я думаю о том, через что ты прошёл за эти годы, я правда... почти не могу сохранять к ней уважение.

Чэн Юэ вспомнил, как тот в конце, казалось бы вежливо, но по сути бесчувственно, выпроводил гостью, и тихо рассмеялся.

— Ты и так проявил к ней большое уважение... Спасибо.

— Зачем мне благодарности? Если уж так меня любишь, почему бы не дать мне поцелуй?

Чэн Юэ повернул голову и увидел, что Бай Сяо прильнул головой к его плечу, нежно глядя на него, и немного озорно подмигнул.

Одного взгляда на его нежные глаза было достаточно, чтобы понять, что в этом мире нет ничего непреодолимого.

Казалось, все трудности растворялись в этом одном взгляде.

Чэн Юэ вдруг обрёл уверенность в будущем.

Он посмотрел на красивые губы Бай Сяо, его кадык слегка дрогнул. Он поднял глаза и увидел в глазах Бай Сяо оттенок ожидания.

Он опустил взгляд, слегка изогнул уголки губ, затем приблизился и поцеловал его в губы.

Это был короткий поцелуй, но наполненный невыразимой нежностью.

После поцелуя Бай Сяо, глядя на него, улыбнулся:

— Если настроение не очень, не хочешь пойти со мной съесть яичницу?

Чэн Юэ вспомнил тот торжественный омлет и невольно тихо рассмеялся, настроение мгновенно стало намного светлее.

Цзин Юйжоу с утра устроила большой скандал, и они даже не успели позавтракать. Когда они вышли из кабинета, тётя Мэй уже приготовила завтрак, так что план с яичницей пришлось временно отложить, и все трое позавтракали вместе.

Тётя Мэй, видя двоих со спокойными выражениями лиц, не могла не восхититься про себя: Бай Сяо просто волшебник, разве с ним нужны какие-то антидепрессанты?

* * *

После еды они вдвоём устроились на широком шезлонге на балконе, обняв пачку чипсов со вкусом лайма, и с аппетитом хрустели, по одному чипсу за раз.

Тётя Мэй с невозмутимым видом принесла каждому по стакану свежавыжатого яблочного сока

и сказала:

— Только поели — и сразу перекусываете... Они слишком сухие, осторожно, горло заболит!

Бай Сяо весело улыбнулся:

— Знаю, тётя Мэй, съедим совсем немного~

Тётя Мэй покачала головой: разве едят, отмеряя время?

Поставив сок, тётя Мэй больше не стала им мешать, понимая, что этим двоим наверняка нужно о многом поговорить.

Чэн Юэ поблагодарил тётю Мэй, отпил глоток сока и, увидев, что та ушла во внутренний дворик, наконец заговорил:

— Знаешь, с детства... я не знаю, сколько раз думал, как бы хорошо было, если бы тётя Мэй была моей матерью.

Он встретился взглядом с Бай Сяо, выдохнул, достал ещё один чипс и, расслабившись, продолжил:

— С детства меня опекала тётя Мэй. Моя мать всегда очень заботилась о моём образовании, но... почти никогда не дарила мне тепла. В детстве я очень обижался, но потом постепенно стал её понимать... Она не могла дать мне тепла, вероятно, потому что и в её жизни его тоже было мало.

Бай Сяо даже замедлил жевание чипсов, внимательно слушая.

— Когда я был маленьким, отношения между отцом и матерью ещё были хорошими... или, точнее, сохраняли эту ложную видимость. Я помню, как она брала меня на руки, водила по магазинам, покупала много игрушек, водила в парк развлечений в мой день рождения... Но тогда я был слишком мал, и в памяти остались лишь отдельные фрагменты. Пока, наконец, мать не обнаружила, что отец изменяет.

— Это был первый раз, когда она перерезала себе вены. Возможно, шок был слишком силён, я отчётливо помню каждую деталь того дня. Я тогда зашёл в её комнату, услышал из ванной громкий звук и шум воды. Я постучал, но она не открыла. Я не знаю почему, но мне стало инстинктивно страшно, и я долго ждал за дверью... Пока из-под двери не потекла вода...
Красная.

Бай Сяо нахмурился, высвободил одну руку и просунул её между шеей Чэн Юэ и спинкой шезлонга.

— Что ты делаешь? — Чэн Юэ неодобрительно покосился на него. — Неудобно.

Бай Сяо подвинулся, чтобы тот мог положить голову ему на плечо:

— Теперь удобно? Просто хотел немного обнять тебя.

Чэн Юэ с безразличной улыбкой покачал головой и придвинулся поближе к его плечу.

Он ясно чувствовал тепло, разливающееся в сердце. Ему даже казалось, что то, о чём он собирался рассказать, уже не кажется таким тяжёлым.

— Эх... Тебе, кто даже боится смотреть фильмы ужасов, я не стану описывать, насколько кровавой была та сцена... В детстве из-за этого я долго не мог заснуть, но, повзрослев, почему-то развил в себе иммунитет. Когда смотрю фильмы ужасов, многие сцены, которые обычные люди находят страшными, на меня почти не действуют.

— Ссс... — Бай Сяо причмокнул. — Это потому что ты не смотрел их со мной. Если бы посмотрел, возможно... ты бы испугался меня.

— Ха-ха-ха... — Чэн Юэ затрясся от смеха у него в объятиях. — Так ты сказал. Не могу дождаться, чтобы испытать это.

Бай Сяо вспомнил обложки ряда фильмов ужасов в его медиатеке, и по всему телу пробежали мурашки:

— ...Возьму свои слова обратно?

Чэн Юэ улыбнулся:

— Я запомню.

Бай Сяо: [ТАТ Грустно.]

Чэн Юэ про себя усмехнулся и вернулся к теме:

— В детстве я очень её ненавидел. Повзрослев, уехал учиться за границу, целых пять лет не возвращался домой. Но потом постепенно понял, что и у неё были свои трудности.

— Вообще, до замужества за отцом она тоже была избалованной принцессой. Дедушка очень её любил и, естественно, очень хорошо ко мне относился. Когда родители были заняты, я жил у дедушки. Даже в моих воспоминаниях добрых воспоминаний о дедушке больше, чем о ней... Но дедушка рано ушёл, оставив только этот замок долголетия и много старых фотографий, чтобы я мог иногда вспоминать.

Он достал из-под одежды тот замок долголетия и нежно погладил его.

Бай Сяо с нежностью посмотрел на замок долголетия:

— Хорошо, что я его подобрал.

Чэн Юэ искоса посмотрел на него:

— И использовал его, чтобы сблизиться со мной.

— Может, у дедушки была душа, и при первой же встрече он понял, что я хороший парень, специально заставил тебя уронить его там, чтобы устроить эту судьбоносную встречу~

Чэн Юэ мгновенно представил себе картину: дух дедушки стоит у кровати и наблюдает, как они вдвоем борются на ней...

* * *

Он схватил со стоящего рядом круглого столика книгу и со звуком шлёп сильно ударил ею Бай Сяо по лбу.

— Ай! — Бай Сяо схватился за голову. — Виноват, виноват... Дедушке наверняка это не интересно... Это же судьба! Судьба!

Только тогда Чэн Юэ отложил книгу обратно и, больше не возражая, снова прилёг, продолжив:

— После смерти дедушки психическое состояние матери всегда было нестабильным. Позже, когда мать обнаружила измену отца, она почти полностью сломалась и стала такой, как сейчас.

Он вздохнул:

— По сравнению с ней, отец, наоборот, хорошо ко мне относился. Поэтому в детстве я ненавидел её, а отца почти не ненавидел. Повзрослев, я позже понял, что именно отец был корнем трагедии. Я тоже уговаривал мать уйти от него, но она всё не могла смириться.

— На самом деле, я думаю, что больше, чем состояние семьи Чэн, она тоскует по утраченному прошлому. В том году ей, должно быть, было тридцать пять. До тридцати пяти лет она жила в раю, а после тридцати пяти, наверное, каждый день для неё стал адом.

— Поэтому... поняв это, я всегда её терпел.

Бай Сяо поцеловал его в лоб и сказал:

— Я понимаю... Я слышал ваш предыдущий разговор по телефону, ты на самом деле пытался её образумить.

— Но всё тщетно, — Чэн Юэ горько улыбнулся, сделал паузу и снова сказал:

— Поэтому я не хотел, чтобы ты прошёл через всё это вместе со мной. Ты должен был всегда оставаться счастливым...

— Но я ещё больше не хочу, чтобы ты нёс это в одиночку, что же делать? — Бай Сяо нежно посмотрел на него. — В конце концов, нас двое, разделить ношу — разве не легче, чем одному?

Чэн Юэ молча слушал, и сердце его содрогнулось.

Он вдруг приподнялся, развернулся, упёрся одной ногой в шезлонг и оказался сверху над Бай Сяо.

<http://bllate.org/book/15597/1390930>